

пова о том, что в его галерее будет работать студия, где будут проводиться мастер-классы и различные встречи, не сбылись. Галерея практически не имела посетителей.

Думается, что главная причина этого – затерянность музея Зарипова среди городских строений, далёких от точек культуры. Вот перевели из городской периферии в центр города, на улицу Баумана музей К. Васильева – и сразу увеличилась посещаемость, многие узнали художника и его творчество. На недавно

прошедшей презентации очередного номера «Казанского альманаха» выступал директор Васильевского музея Г. Пронин, и он высказал прекрасную мысль о том, что как было бы правильно так же перевести музеи Урманче и Зарипова на улицу Баумана, где, несомненно, имеются помещения, которые можно было бы превратить в музейные. Как украсился бы наш город, представив на обозрение народа такие наши национальные достояния как творчество Урманче и Зарипова!..

Ахат Мушинский

Извлечь из пыли и забвения

Многие художники любят работать под музыку. Ильдар Зарипов не был исключением. В годы, когда мы у него в мастерской бывали довольно часто, он, помнится, любил включать песни в исполнении Альфии Авзаловой. Он говорил, что пение её придаёт ему вдохновения и энергии. А захаживали мы к нему с Разилем Валеевым, тогда директором Национальной библиотеки республики. О многом говорили, при этом рождались какие-то интересные идеи и проекты. Например, задумали открыть в стенах Национальной библиотеки выставку одной картины, которая периодически обновлялась бы...

Задумано – сделано.

Естественно, начали с одного из полотен Ильдара Зарипова. Оно было крупным, в тяжёлой красивой раме. На нём был изображён юноша, играющий

на курае, рядом со своим красавцем белым конём с изогнутой шеей и чело-вечьими глазами. Открытие выставки стало заметным культурным явлением в городе.

Потом Национальная библиотека закупила немало картин мастера для своих интерьеров. Я в свою очередь пригласил Ильдара Зарипова принять участие в телевизионной программе «У зелёного камина», которую вёл на республиканском ТВ. Съёмки организовали прямо у него в мастерской. Он написал маслом камелёк с весёлым таким огоньком, и беседа около живописного огня потекла безбрежная – об изобразительном искусстве, о музыке, литературе, вообще – о смысле художественного творчества.

В общении он был лёгкий, веселый, смешлив. Ильдар-абый умел убеж-

дать и, вместе с тем, внимательно слушать – так это, склонив немного голову набок. Замечу, редкое у нашего брата качество – умение слушать. Для него познание было важным элементом жизни.

Вот однажды завели мы с Разилем Исмагиловичем тему о художественном переводе. Он ведь пишет на татарском, я – на русском. Вспомнили некоторые нелепости, а также переводческие отсебятины, когда авторы после работы толмача не узнавали своих вещей. Ильдар-абый слушал, слушал, затем, улыбнувшись, заметил:

– А вот живопись в толмачах не нуждается. Пишу о татарской деревне – о её красавицах, джигитах, бабаях, природе... а понимают все. И татары, и русские, и немцы...

Мы, представители писательского мира, разделённого на множество и множество языков, лишь закивали согласнo – прав живописец, не возразишь, только позавидуешь белой завистью.

Частенько в мастерской художника мы заставляли переводчика, теоретика и отца целой переводческой школы Кияма Миннибаева. Он обожал живопись Зарипова, тонко чувствовал её и ценил. У него была целая коллекция мастера. Киям-абый сам закупал картины, приводил покупателей...

Но надо сказать, такого щедрого художника, как Ильдар Зарипов, я не встречал. Стоило похвалить какую-нибудь из его картин несколько раз подряд, повздыхать-покрывать многозначительно, как он снимал её со стены и дарил тебе.

А вообще-то он любил поспрашивать:

– Вот новую картину написал, как она тебе?

Ему интересно было мнение любителя живописи, он нуждался в обратной связи.

– А какая лучше – эта или та? А почему?..

У него все стены мастерской были завешаны картинами. Они хоронились огромными стопами по углам, по стеллажам. Он резким движением извлекал из своеобразного запасника на свет божий новое своё полотно и опять спрашивал:

– А вот эта как вам, друзья?

Приходилось только удивляться его работоспособности и энергии.

И ещё что хочу сказать: к своему стилистическому и всем известному *наиву* и *примитиву* Ильдар Зарипов пришёл через академизм самой высокой пробы. Он был прекрасным рисовальщиком... Но как нередко бывает, прекрасный живописец-реалист в поисках новых творческих решений меняет курс на простоту и обобщённость мысли, на символизм изображения. Это классический путь мирового искусства – от академического реализма к абстракции, вольности, к прорыву из устоявшихся рамок и канонов к чему-то исключительно своему и небывалому.

Мне повезло – мы жили рядом, и он, бывало, захаживал ко мне на чашку чая и весьма великодушно и дотошно оценивал росписи и лепнину на стенах и потолках квартиры, самодельные рамы, резные подсвечники, прочие поделки, которые оставил мой отец... Живо классик был отзывчив и очень добр, чего не хватает сегодня многим из нас.

А насчёт названной выше проблемы – я полностью поддерживаю мнение и Геннадия Васильевича Пронина, и Дины Каримовны Валеевой – пора извлечь из пыли забвения живописные произведения Ильдара Зарипова, одного из ярчайших художников современности, и разместить их в достойном его таланта месте.

